ЭТО И ЕСТЬ ИСКУССТВО

Перед мольбертом стройный мужчина, которому нет еще и тридцати. Высокий лоб нахмурен, небольшие, но умные глаза сосредоточены. На холсте, по обеим сторонам тянутся к солнцу могучие дубы, клены и, дружески обнявшись ветвями, образуют красочное обрамление для второй картины — раскинувшейся среди холмов и перелесков привольной реки, удивительно похожей на Неман где-нибудь под Петрашюнами.

Человек владеет широкий мазок, отчего мгновенно оживает листва деревьев, будто по ней промчался легкий ветерок, затем медленно отходит на середину комнаты. Видно, как под рубашкой напрягаются его мускулы. Он стремительно взмахивает руками, высоко подпрыгивает и, легко проделав несколько балетных «па», останавливается с тем же задумчивым выражением лица у окна.

Над тюлевыми занавесками — кусочек черного неба, а в нем, словно зацепившийся за форточку, рог желтого полумесяца. Мужчина долго стоит неподвижно, не то прислушиваясь к дыханию спящего города, не то раздумывая о чем-то своем, наиболее. Наконец, он решительно наклоняется над стоящим на стуле аппаратом. Открывает крышку. Под ней два диска, соединенные тонкой полоской ленты. Щелкает пускатель. Магнитофон издает легкий шорох, две-три несмелые фортепианные ноты и тотчас каскадом разливается поток звуков: шепчет ветер в ветвях, бьет крылом вспорхнувшая птица, залился и смолк соловей, стрекочет кузнечик, а где-то совсем рядом без усталости плещут волны, неторопливые, спокойные, какие бывают на величественных полноводных реках. Постепенно в музыку влетает мелодия песни — несложной, но бодрой, искрящейся весельем.

Мужчина садится за стол и, взяв перо, торопливо надписывает на чистом листе бумаги: «Сказка Неманского края. Акт 1-ый, картина 1-ая» и тут же принимается торопливо испещрять бумагу ему одному понятными знаками: крутыми спиралями, зигзагами, стрелками, обрывками слов... Время от времени он вновь включает магнитофон, вновь подолгу засматривается на мольберт, вновь носится по комнате в танце и вновь берется за перо.

Кто он, этот молодой, полный созидательной творческой энергии человек? Танцор? Живописец? Композитор? Писатель?

Но вначале расскажем о его творческом пути. Можно сказать, у Витаутаса Гривницаса две даты рождения. Первая — 1925 год, когда его родители-батраки, не выдержав притеснений сельских богатеев, переехали в Каунас и у них родился маленький Витаутас, и вторая — 1940 год, год становления советской власти в Литве, когда его, пятнадцатилетнего парнишку, с раннего возраста познавшего нужду и горе, приняли в балетную студию театра. В студию, о которой он раньше не смел и мечтать.

У мальчика быстро обнаруживаются незаурядный талант и огромная тяга к знаниям. Желание поближе познакомиться с законами драматического искусства заставляет его, попутно, в течение двух лет работать актером Каунасского театра юножой зрителя. Его первые роли здесь — повзр мальчишка в пьесе «Люди-музыканты», гриб — в «Стрекоза и муравей»... Затем, совмещая учебу в балетной студии с занятиями в вечерней школе, он пробует свои силы в живописи, посещает лекции в

Художественном институте. Он прочитывает массу книг; интересуется поэзией, прозой, драмой, музыкой, историей. Витаутас всё волнуется: то нежный, то страстный стих Пушкина, задушевная проза Чехова, простое и строгое повествование Толстого, игривое и колкое слово Жемайте, меткая рифма Маяковского... Параллельно же прекращается его поступательное движение вперед на главном направлении: от рядового статиста с флагом в «Аиде», через русские танцы в «Онегине», татарские в «Бахчисарайском фонтане» он приходит к сольному танцу — арлекин в «Хозяйке гостиницы», лесничий в «Жизель». Преодолев последнюю ступень, он приступает к исполнению главных ролей: злой гений — в «Лебедем озере», Гирей — в «Бахчисарайском фонтане», Абдурахман — в «Раймонде».

Но молодой артист балета ни на минуту не чувствует удовлетворенности. Его обуревают желание самому поставить балетный спектакль, поставить его по-новому — вопреки сложившимся в театре старым художественным нормам, требующим от исполнителей лишь виртуозности танца да внешней красоты спектакля. Он хочет, чтобы зритель получал не просто эстетическое наслаждение, но страдал бы и радовался вместе с героями сцены и, уходя из театра, унеси в глубины своего сердца идею произведения, с предельной ясностью рассказанной ему средствами хореографического искусства. Витаутас — за работой над образом по системе, разработанной Станиславским и давно получившей общее признание у артистов драмы.

Но противники нового в театре в то время были сильны.

— Главное в балете — танец, — возражали они, глядя свысока на молодого солиста и давя его своим авторитетом.

— А по-моему главное — смысл, идея произведения, — не унимался Витаутас. — А танец — лишь одно из средств, позволяющих раскрыть замысел автора, донести его до зрителя.

Он берется за руководство заводскими кружками художественной самодеятельности и здесь, обучая рабочую молодежь, танцу, еще раз убеждается в своей правоте. А в 1946 г., жертвуя своим очередным отпуском, ему удается на сцене Клайпедского музыкального театра впервые выступить в качестве балетмейстера. Он ставит балетные сцены в пьесе А. Венуолиса «Твиртове».

В 1947 году комсомолец Витаутас Гривницас покидает Вильнюс и уезжает в Москву. Следуют пять лет напряженной учебы в Театральном институте им. Луначарского. Здесь молодой литовский артист слушает лекции известнейших в стране деятелей искусства и науки, ему передает свой огромный опыт крупнейший советский артист, балетмейстер Большого театра проф. Захаров.

И, наконец, дипломная работа. Витаутасу поручается постановка балета «Светлана», повествующего о строительстве гидростанции. «Светлана» ставится на сцене его родного театра. Трудностей много: современная жизнь, жизнь труженников производства показывается на литовской балетной сцене впервые. Многих смущают и необычные костюмы исполнителей: сподовки, комбинезоны. Создавая образ, тут очень легко попасть в гротеск, пародию... Но именно здесь, в работе над современной темой, Витаутас блестяще доказал, как много может дать система Станиславского для хореографии. Профессор Захаров,

приехавший ознакомиться с дипломной работой своего студента, вместе с зрителями дает ей высокую оценку. А спустя несколько дней, на выпускном вечере в институте, Витаутасу Гривницасу вручается диплом с отличием об окончании высшего учебного заведения.

Отныне он — признанный балетмейстер-режиссер — человек, создающий рисунок танца, душа и творец балетного спектакля.

И тотчас у него рождается новая идея, еще более дерзкая. Витаутас задумал создать балет, показывающий сегодняшнюю жизнь Литвы.

— Нет либретто! — возразили ему.

— Есть! — уверенно отвечает он.

— Я напишу сам.

— А музыка?

— Будет!

Своей идеей Витаутас заражает молодого композитора Юзелюнаса. Они решают воспеть героический труд литовских колхозников-рыбаков, показать то новое, что принесла советская власть на берега Балтики. Летом оба надолго уезжают в рыбацкие деревни, изучают здешний быт, нравы, типы, песни, музыку. Витаутас делает массу зарисовок: лут и мужественные, обветренные норд-остом лица, и пузатые баркасы, лихо бороздящие воды залива, и маякты с висящими сигналами, предупреждающими о шторме, и широкие сети, растянутые для просушки на берегу моря...

«На берегу моря» — так назван новый балет. Музыка композитора Юзелюнаса, автор либретто — Гривницас, балетмейстер — Гривницас.

Об этом спектакле писали много. Он получил восторженную оценку зрителей, многочисленные отзывы в печати, единодушно признавшие его крупным событием в театральной жизни страны. Под бурные аплодисменты он прошел на декаде литовского искусства в Москве.

Правительство присваивает Витаутасу Гривницасу звание заслуженного артиста республики, награждает орденом «Трудового Красного Знамени».

Чем же занят сейчас Витаутас Гривницас?

Им написана и уже принята к постановке «Сказка Неманского края» — полный драматических переживаний лирический рассказ, повествующий о трагической судьбе литовских Ромео и Джульетты — отважного воина Угниса и его невесты Аудроне, рассказ, воспитывающий глубокую любовь к Родине и жгучую ненависть к ее врагам.

Ответственная, благородная цель!... Идя к ней, Витаутас Гривницас, желает, чтобы его новый балетный спектакль, хотя он и рассказывает о далеком XIII веке, заставил трепетать сердца зрителей и вошел в сокровищницу искусства советского народа.